Teisės aktualijos

О СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Татьяна Владимировна Сахнова
доктор юридических наук, профессор
заведующая Кафедрой гражданского процесса
Сибирского федерального университета
г. Красноярск, Россия
Тел.: 8 906 913 47 52
E-mail: civil.p@yandex.ru

Статья посвящена онтологическим аспектам пореформенного развития цивилистического процесса – в их взаимосвязи с исторически выработанной формулой процесса actio habere-ius habere.

Прошедшее десятилетие пореформенного развития цивилистического процесса в России и новеллизация гражданского законодательства доказывают, на наш взгляд, неисчерпанность выработанной римским правом формулы *actio habere-ius habere*, которая – одновременно – содержит в себе возможности нового раскрытия парадигмы цивилистического процесса и его влияния на «творение» права.

Иметь иск – значит, иметь право; иметь возможность судебной защиты, – значит, иметь право. Отсутствие такой возможности юридически «нейтрализует» право и его ценность. Однако формула *actio habere-ius habere* важна не только в своем традиционном предметно-объектном выражении (с точки зрения предмета и объекта процесса). Актуализируется ее методологическое, сущностное для процесса выражение и значение. Онтология цивилистического процесса – это, прежде всего, методы процесса и его функция – как внутренняя составляющая и ведущая. В таком понимании вопрос о парадигме процесса – вопрос о его методах и соотношении частноправовых и публично-правовых начал в методах и методологии процесса. С другой стороны, именно данная динамическая составляющая, бесспорно, влияет не только на определение и достижение цели процесса, но на ее качество.

Иными словами, предметным для сущности цивилистического процесса – и как деятельности, и как системы правоотношений – являются методы. Именно методы определяют содержа-

ние деятельности и отличают различные виды деятельности друг от друга. Методы реализации функции – как внутренней движущей силы деятельности – формируют и ее цель. Справедливость данного тезиса, доказанного в теории деятельности, в преломлении к цивилистическому процессу подтверждается опытом развития процесса в разных странах.

Например, публично-правовой концепт процесса, возобладавший – «с легкой руки» Франца Кляйна – в немецко-австрийской модели, предполагает приоритет публично-правового и методах, и, соответственно, – в цели процесса [13, S. 188 ff, 244 ff]. Немецкий процесс – наиболее яркое и полное выражение социальной концепции процесса; ее дальнейшее усиление – основная идея реформ XXI века. Это с очевидностью проявляется в современном пореформенном развитии процессуального законодательства Германии, Австрии, ориентированного на усиление публично-правовых начал в методах цивилистического процесса (развитие принципов концентрации, кооперации, реституции; усиление власти суда; увеличение доли и веса процессуальных, публично-правовых по природе, обязанностей сторон). В таком понимании можно говорить о публично-правовой трансформации парадигмы немецкой модели цивилистического процесса. Интерес как внутренняя движущая, как методологическая составляющая перестает быть актуальной для судебного процесса, сохраняя свое значение только для внесудебных процедур урегулирования спора, – что и констатируется немецкой доктриной [см., напр.: 14, S. 200–201]. Не случайно об изменении парадигмы современного немецкого процесса заговорили именно в связи с новеллизацией § 139 и § 142 ZPO в 2002 г. (своевременность представления объяснений сторонами; обязанность сторон представлять доказательства). Аксиома «без интереса нет процесса» трактуется в предметном и статичном значении. Сравним: с середины XIX века в немецком процессе превалировала материально-правовая концепция иска. Отсюда – традиционные постулаты, что гражданское правосудие руководится «интересом отдельных лиц к осуществлению своего права», «стороны – это носители спорного права или правоотношения». Более того, цель гражданского процесса определялась как установление и осуществление субъективного права (и одновременно – обеспечение объективного права) [15, S. 49, 205, 2–3]. Сейчас акценты смещаются в сторону публично-правового понимания процесса: цель процесса видится более в достижении истины как публично-правового блага, в обеспечении правопорядка[1]. Одновременно жесткое разграничение судебной защиты как процесса публично-правового по природе с иными способами урегулирования спора делают невозможным их процедурное взаимодействие – по онтологическим причинам.

Иной опыт демонстрирует романская модель цивилистического процесса, развивающая традиции либеральной концепции права и наиболее наглядно выразившая себя во Франции и Ита-

[1] Одним из ярких апологетов понимания объекта и цели процесса как истины в соотношении с достижением справедливости в современной немецкой юриспруденции является проф. *P. Gilles* [см., напр.: 12].

лии. Принцип примирительных процедур, сформулированный в свое время Д.-Ж. Корню и закрепленный в ГПК Франции (1976), развитие делегированных судебных процедур (1995–1996, 2005), реформирование свободного и «ритуального арбитража» в Италии (2006) исходят из приоритета частноправовых начал в методах и целях процесса. И хотя современная французская доктрина не отрицает социальной функции процесса, одним из основных современных законодательных постулатов является принцип эффективного сотрудничества судьи и сторон [см. об этом, напр.: 7, с. 32–33; 11, p. 56–60], основанный на частноправовых началах, выражаемых через различные процедуры. Не случайно развитие договорных начал и теории процессуальных соглашений во французском процессе полагают производным от римского института *litis contestatio*, трактуемом с частноправовых позиций (Кадье). Соответственно, взаимодействие процедур судебных и несудебных, процессуальных и непроцессуальных, материально-правовых и смешанных становится не только возможным, но необходимым [Подробнее анализ и авторский взгляд см., напр.: 8; 9].

Справедливости ради отметим: некоторые европейские исследователи полагают, что в XX веке «ориентир для подражания» перенесся с французского ГПК на австрийский ГПК с его социальным концептом; одновременно подчеркивается цикличность развития цивилистического процесса [см., напр.: 6, с. 82 и след., 95]. На наш взгляд, ситуация вовсе не столь однозначна. Пореформенное развитие национального процессуального законодательства в европейских странах доказывает реальность методологически противоположных типов процесса: романского (процедурного) и немецко-австрийского (институционального). Важно не абсолютное увеличение/уменьшение удельного веса активности судьи в процессе, а методы реализации судейских функций и их отправные начала.

По нашему убеждению, развитие процедурности цивилистического процесса позволяет изнутри обновить его потенциал.

Более того: именно данный путь, основанный на приоритете частноправового в методах защиты, соответствует исторически выработанной парадигме actio habere-ius habere. Обновление парадигмы процесса – не революционный, но эволюционный путь. И создание «нового процессуального человека» (говоря словами Марселя Шторма) вовсе не предполагает возможности законодательного опровержения исторически выработанных «столпов» цивилистического процесса. Ибо процесс как социальный феномен в конечном итоге творится своим собственным историческим развитием, игнорирование которого сделает – в лучшем случае – модель процесса малоэффективной или вовсе неработающей. Вместе с тем, приходится констатировать отсутствие какого-либо единого (хотя бы в рамках континентальной традиции) взгляда на изменение парадигмы цивилистического процесса, что обусловлено различной методологией развития национального процесса – романского и немецко-австрийского типов.

Имея сказанное в виду, попробуем определить: влияет ли – и каким образом – пореформенное развитие законо-

дательства России на парадигму цивилистического процесса.

Исторически российский цивилистический процесс обращался и к немецкому, и к романскому опыту, не заимствуя его буквально. Одна констатация, думается, неоспорима: российский процесс, будучи, как и немецкий, процессом институциональным, не воспринял публично-правового концепта. Институциональная оболочка «обрамляет» процесс, построенный во многом на либеральных традициях. ГПК РФ и АПК РФ 2002 года – наглядное тому подтверждение. Отметим две онтологически важных составляющих концепта указанных кодексов:

I. Именно в процессуальных кодексах 2002 г. впервые отражена идея об осуществлении судом правосудия не только как обязанности перед лицом государства, но как обязанности перед сторонами, заинтересованными лицами. Это, на наш взгляд, достаточный посыл для формирования в будущем принципа процессуального сотрудничества суда и сторон, основанного на частноправовых методах.

II. Другая важнейшая для понимания современной парадигмы российского процесса составляющая: процедурность процесса. И ГПК, и АПК дают мощнейший законодательный стимул развитию процедур как процессуального способа воплощения методов процесса. Более того, на наш взгляд, – методов, основанных преимущественно на частноправовых началах. Это, естественно, не исключает публично-правовых начал, но меняет их значение и предназначение – как обеспечивающих действенность процедур.

Как развивались эти две составляющие после принятия ГПК и АПК РФ в XXI веке?

1) Одним из принципиальных достижений (и практики, и теории) в XXI веке является признание справедливости имманентной составляющей цивилистического процесса и правосудия (Конституционный Суд России сыграл в этом ведущую роль, начиная с 1998 г.). С позиций Конвенции по защите прав человека и основных свобод аксиоматично, что справедливое судебное разбирательство должно осуществляться в разумные сроки. Следовательно, обязанность суда осуществить правосудие – это обязанность осуществить справедливое судебное разбирательство в разумные сроки. Одна из первых попыток прикладного воплощения данного требования – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [17], которое, правда, породило больше вопросов, чем дало ответов, – но принципиален сам факт признания правоприменительного значения разумности сроков судебной защиты.

Следующий шаг в этом направлении – принятие ФЗ РФ от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [1], ФЗ РФ от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона

«О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [2] и введение соответствующих регламентов в ГПК РФ (глава 22-1) и АПК РФ (глава 27-1). Предметами процедур, урегулированных главами 22-1 и 27-1 ГПК и АПК РФ, становится само право на судебную защиту (предположение о его нарушении публичной властью).

В конце 2010 года принимается совместное Постановление Пленума ВС РФ № 30 и ВАС РФ № 64 от 23 декабря 2010 года «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [18], в котором право на исполнение судебного акта в разумный срок логично связывается с производством по исполнению судебного акта (т. е., исполнительным производством) и сроками его окончания (напр., п. 14). В целом указанное Постановление следует за логикой ФЗ № 68 и ФЗ № 69. Это не решает проблемы обеспечения права на исполнение судебного акта в разумный срок в случаях, когда речь идет об иных (не посредством исполнительного производства) процедурах исполнения судебного решения и когда процесс оканчивается не решением о присуждении, а решением о признании или об установлении юридического факта [подробнее авторский анализ изложен в работе: 10]. Нельзя же, в самом деле, ограничивать справедливость правосудия и разумность сроков судопроизводства и исполнения судебных актов определенным предметом процесса или определенными видами судебных решений. Иначе обесценивается весь пафос законодательных новелл.

Бесспорно, следует приветствовать стремление законодателя ввести категорию «разумный срок» в конкретику процессуальной ткани. Это – также очевидная демонстрация материализации процесса. Категория «материальное процессуальное право» перестает быть доктринальной, но стремится к законодательному воплощению. Предметом процесса может быть не только спорное материальное правоотношение, но правоотношение процедурного характера (первые законодательные «ласточки» этой закономерности: производство по оспариванию решений третейского суда; производство по признанию и приведению в исполнение решений иностранных судов и арбитражей). Образно говоря, предметом процесса становится сам процесс реализации права на судебную защиту. Но одновременно отечественный законодатель не устанавливает критериев определения разумности, предпочтя здесь метод *ex officio*. Именно: основаниями для невозбуждения процесса (возвращение заявления) становятся причины предметного характера (если суд установит, что срок судопроизводства или срок исполнения судебного постановления (акта) с очевидностью свидетельствует об отсутствии нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок – п. 5 ч. 1 ст. 244-6 ГПК РФ, п. 5 ч. 1. ст. 222-6 АПК РФ). Это – онтологическая ошибка. Процедуры главы 22-1 ГПК РФ и главы 27-1 АПК РФ основаны на публично-правовом методе. И

именно поэтому, на наш взгляд, многое ушло «в гудок».

В решении вопроса о разумности сроков нам кажется предпочтительным иной, частноправовой, метод (частично опробованный в романском процессе). Сроки совершения отдельных процессуальных действий (как и срок судебного разбирательства) мог бы устанавливаться (в очерченных законом пределах) соглашением сторон и суда, выработанного в специальной процедуре. Это также способствовало бы реальному воплощению принципа процессуального сотрудничества суда и сторон.

2) Новеллизация процессуального регулирования проверочных инстанций в ГПК РФ – по сходной с АПК РФ онтологии (изменения, внесенные в ГПК Федеральным законом РФ от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ [4]). Идеология новелл: судебная защита должна осуществляться в суде первой инстанции; инстанционность проверки (кроме апелляции) приобретает черты чрезвычайности; ординарная проверка ограничивается апелляцией; надзор по преимуществу превращается в судебную функцию обеспечения единообразия судебной практики. В целом – при видимом увеличении инстанций происходит функциональное уменьшение «удельного веса» проверки для сторон.

В этом вопросе в доктрине нередки апелляции к немецко-австрийским концентрации и кооперации. Думаем, это весьма поверхностный взгляд, к онтологии отечественного процесса отношения не имеющий.

На наш взгляд, обозначенная в ГПК РФ тенденция укладывается в общее русло европейских тенденций: больше суда – не значит больше защиты; эффективность судебной защиты достигаема не экстенсивным, но интенсивным развитием процесса, что предполагает разнообразие процедур – как судебных, так и внесудебных и процедурных путей их взаимодействия (но не размежевания). Правда, отечественный законодатель идет к этому несколько окольным, парадоксальным, путем, de iure увеличивая вертикаль процесса. Думаем, усиление вертикали не относимо к перспективам цивилистического процесса.

В этом же русле находится проблема о юридической силе постановлений ЕСПЧ. В известной правовой позиции Конституционного Суда РФ [см.: 16] речь, полагаем, идет о толковании Европейским Судом подлежащих применению норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но не о придании постановлениям ЕСПЧ наднационального статуса. Рассмотрение ЕСПЧ дел по заявлениям граждан – не еще одна инстанция (иной предмет), не вертикаль юрисдикционных процедур, а один из способов обеспечения действенности Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

3) Наконец, с 2010 года, получили законодательное «узаконение» медиативные процедуры [3]. Медиация в России, как известно, – альтернативная процедура урегулирования спора, американского образца. Если что-то и видится в медиации процессуального – так это преимущественно вопрос о значении медиативного соглашения для возбуждения судебного процесса.

На наш взгляд, такой подход неоправданно снижает возможный потенциал медиации, иных несудебных про-

цедур урегулирования спора (посредничества – не являющегося, вопреки утверждению отечественного законодателя, синонимом медиации; переговоров).

Опыт романских стран показывает, что медиация возможна и как неальтернативная судебной процедура. Медиация может быть внесудебной (самостоятельный институт по урегулированию споров, возникающих не только из собственно гражданско-правовых отношений, но из отношений публично-правовых по природе) и досудебной (когда соглашением сторон ей придается статус досудебного порядка урегулирования спора, соблюдение которого для сторон обязательно; в таком смысле медиация может выступать процедурной предпосылкой относительно реализации права на судебную защиту). Более того, вполне возможно взаимодействие медиации и судебных процедур (делегированные примирительные процедуры и судебная медиация по ГПК Франции и Бельгии, воспринявшей французский опыт). Назначение медиатора судьей еще не делает медиацию судебной (распространенное заблуждение в отечественной доктрине) – важно процедурное, урегулированное ГПК, взаимодействие медиативных и судебных процедур. В судебной медиации судебные и несудебные примирительные процедуры работают в «одной плоскости»; законодатель дает возможность «перетекания» судебного примирения в несудебное и наоборот. Такое непротиворечивое сосуществование в едином правовом континууме возможно только в случае, если законодатель использует частноправовой критерии при регулировании данных процедур.

Публично-правовой метод не дает простора для взаимодействия судебных и несудебных процедур, а, напротив, стремится размежевать их. Характерный пример – новеллизация § 118, § 278, § 492 ZPO Германии. Какие бы комментарии (в том числе относительно «интеграции медиации в гражданский процесс» [см., напр.: 14, S. 202 ff.]) ни раздавались в немецкой доктрине, это не должно вводить в заблуждение: законодатель совершенно четко «разводит» медиацию и судебную защиту, которые процедурно никак не связаны и остаются альтернативными друг другу.

Для будущего развития цивилистического процесса мы полагаем более плодотворной идею взаимодействия различных, в том числе судебных и несудебных, процедур. Это объективная потребность и тенденция в условиях глобализации права, когда правовое пространство становится все более насыщенным и геополитически «тесным».

4) Развитие процедурности цивилистического процесса в России очевидно, хотя и противоречиво. Пример последнего времени – реформирование упрощенного производства по АПК РФ (Федеральный закон РФ от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» [5]).

По сути, упрощенное производство из процедуры искового производства становится общей процедурой – в пределах установленной законом (ст. 227 АПК РФ) цены иска или категорий дел (в том числе неисковой природы). Одновременно реализуется идея элект-

ронификации процесса: упрощенное производство превращается в заочно-электронную процедуру (судебное разбирательство в судебном заседании отсутствует; рассмотрение дела не протоколируется; отложение рассмотрения дела невозможно). Очевидно, стремлением ускорить процесс вызваны новеллы о «режиме ограниченного доступа» (ч. 4 ст. 228 АПК), немедленном исполнении решения по делу, рассмотренному в упрощенном производстве (ч. 2 ст. 229 АПК), сокращенном (10 дней) сроке подачи апелляционной жалобы (ч. 2, 3 ст. 229 АПК).

Идеология нововведений прозрачна: ускорение и упрощение процесса и одновременно – электронификация процесса. Кажется, идея «е-правосудия» нашла и в России свою легализацию. Итак, законодатель «убил» одним выстрелом даже не двух – а трех зайцев?

Несомненно, идеи ускорения и упрощения судопроизводства, введения электронных процедур – в числе наиболее обсуждаемых в последнее десятилетие – в разных странах; имеются и законодательные опыты в этом направлении. Однако принципиально важен отправной постулат при осуществлении законодательных новелл: чьим интересом руководствоваться, облегчает ли ускорение и упрощение доступ к правосудию, становятся ли процедуры более удобными для сторон. – На наш взгляд, в отечественных новеллах упрощенного производства прозрачен только один интерес: публично-правовой. И хотя новая ч. 3 ст. 135 АПК РФ предполагает учет волеизъявления сторон на процедуру упрощенного производства, это не решает проблемы процессуальных гарантий правосудия для заинтересованных лиц. Они существенно снижены. Равно как и возможности для реализации принципов цивилистического процесса. Повышение эффективности правосудия онтологически немыслимо за счет уменьшения процессуальных гарантий и снижения действенности принципов процесса. И попытки законодателя прописать условия «возвращения» в общеисковую процедуру (ч. 5, 6 ст. 227 АПК), построенные на публично-правовом методе, не исправляют ситуации.

Полагаем, и упрощенные, и заочные, и электронные процедуры – бесспорно, могут и должны иметь место в современном цивилистическом процессе. Это – одно из очевидных свидетельств процедурности процесса. Однако объективное развитие процедур в процессе вызвано не упрощением, а, напротив, – усложнением процесса, усложнением и насыщенностью правового регулирования общественных отношений в целом. Все вышеупомянутые (равно как и возможные иные) процедуры должны развиваться не в качестве суррогата «развернутой» судебной процедуры и не как ее альтернативная замена, а в контексте принципа свободы выбора судебных процедур. Вопрос о взаимодействии таких процедур, включая возможность «возврата» в «развернутую» судебную процедуру, должен решаться, исходя из интереса спорящих сторон и посредством частноправовых методов. Также бесспорно, что все принципы процесса при этом должны быть соблюдены – коль скоро речь идет об основополагающих началах процесса, которые не могут меняться соглашением сторон или усмотрением суда.

Отечественный законодатель последнего десятилетия демонстрирует увеличение удельного веса публично-правовых методов (в особенности в АПК РФ), что нередко ведет к онтологической противоречивости[2]. В данном контексте мы бы вели речь не об изменении парадигмы процесса, а о том, что своевременные в своей сути законодательные новеллы реализованы методами, не вполне соответствующими концепции процесса, воплощенной в законе.

На наш взгляд, идеи социального процесса могут сосуществовать и с либеральным по сути концептом права – что доказывает французский опыт. Одна из наиболее общих и объективных причин тому – глобализация процессуального права. Одновременно мы убеждены: делать это необходимо с безусловным учетом исторического опыта развития и онтологии процесса, процессуальных кодексов. Методы, посредством которых решаются задачи, должны соответствовать концепту процесса, чтобы быть эффективно работающими. Это – непременное условие внутренней гармонизации цивилистического процесса.

Историческим развитием выработанная парадигма процесса – *actio habereius habere* – не только не утратила свое значение, но получает «новое дыхание» в современных условиях реформирования не только процессуального, но и материального законодательства в разных странах. Однако методология ее воплощения различна. Она и не требует унификации, ибо, во-первых, объективно обусловлена различными типами цивилистического процесса; во-вторых, демонстрирует внутреннее богатство процесса – как его главное достоинство и залог будущего развития.

[2] Один из традиционных и наглядных примеров, на который мы уже обращали внимание, – так называемое правило «о раскрытии доказательств» в контексте ст. 135 АПК, которое на самом деле лежит в русле не публично-правовой по природе обязанности содействовать процессу и обязанности стороны представлять доказательства – как в немецко-австрийском процессе или обязанности содействовать своему противнику и правиле discovery, – а частноправовой по сущности обязанности доказывания [см. об этом: 8, с. 50].

БИБЛИОГРАФИЯ

Законодательство

1. Федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». *СЗ РФ*, 2010, № 18, ст. 2144.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». *СЗ РФ*, 2010, № 18, ст. 2145.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». *СЗ РФ*, 2010, № 31, ст. 4162.
4. Изменения, внесенные в ГПК Федеральным законом Российской Федерации от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ. *СЗ РФ*. 2010, № 50. ст. 6611.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный

кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства». *СЗ РФ*, 2012, № 26, ст. 3439.

Специальная литература

6. ВАН РЕЕ, К. Х. Развитие гражданского процессуального права в XX веке в Европе: от независимости сторон к судебному руководству делами и его эффективности. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2009–2010, № 7–8. Санкт-Петербург, 2011.
7. КАДЬЕ, Л. Общие принципы французского гражданского процесса. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2009–2010, № 7–8. Санкт-Петербург, 2011.
8. САХНОВА, Т. В. О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права). *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2009–2010, № 7–8. Санкт-Петербург, 2011.
9. САХНОВА, Т. В. Процедурность цивилистического процесса: методология будущего. *Вестник гражданского процесса*, 2012, № 1.
10. САХНОВА, Т. В. Цивилистический процесс: миссия в меняющемся мире. *Вестник гражданского процесса*, 2013, № 1.
11. CADIET, L. Conciliation in France: a gross between tradition and modernity. In *The recent tendencies of development in civil process law – between East and West*: intern. conf. the 100-th anniv. of the birn of prof. J. Zeruolis. Vilnius, 2007, p. 56–60.
12. GILLES, P. Hinterfragung des generalthemas aus deutscher Sicht. In *Šiuolaikinės civilinio proceso teisės paskirtis*. Ats. red. prof. dr. Stasis Velyvis. Vilnius, 2008, S. 113–120.
13. KLEIN, F. *Der Zivilprozess Ősterreichs*. Mannheim/Berlin/Leipzig, 1927.
14. LÖER, L. Möglichkeiten der Einbindung von Mediation in das Gerichtsverfahren am Beispiel des Zivilprozesses. *ZZP*, 2006, 119 Bd. Hft. 2.
15. *Zivilprozessrecht*. Begr. von Leo Rosenberg. München, 1981.

Судебная практика

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февр. 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». *СЗ РФ*, 2007, № 7, ст. 932.
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». *БВС РФ*, 2003, № 12.
18. Совместное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 30 и Верховного Административного Суда Российской Федерации № 64 от 23 декабря 2010 года «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». *БВС РФ*, 2011, № 3.

Įteikta 2013 m. kovo 5 d.
Priimta publikuoti 2013 m. kovo 21 d.